РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ и Юріемъ Бартеневыми.

...Дорогія имена
Передаетъ народъ устами
И сохраняетъ письменами.

Случевскій.

1900.

КНИГА ПЕРВАЯ

Инв. 274.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

ЗАПИСКИ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

Въ день св. Исаакія Далматскаго, 30 Мая 1831 года, въ Воскресенье, я родилась въ Копенгагенѣ, гдѣ мой отецъ, протоіерей Степанъ Карповичъ Сабининъ, служилъ при нашемъ посольствѣ. 29-го Іюня, въ день свв. Петра и Павла, меня крестили, и воспріемниками моими были секретарь посольства, Яковъ Андреевичъ Дашковъ и графиня Варвара Розенкранцъ, рожденная княжна Вяземская, вдова Датскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Нильса Розенкранца.

О моихъ родителяхъ я могу разсказать слѣдующее. Отецъ мой родился въ 1789 году, въ селѣ Болотѣ, Воронежской губерніи, гдѣ отецъ его былъ дьячкомъ. Въ томъ же уѣздѣ была цѣлая колонія Сабининыхъ.

Сабинины происходятъ отъ Ивана Сусанина, дочь котораго Антонида вышла замужъ за Сабинина. Подвигъ Сусанина, не задумавшагося пожертвовать своею жизнью для спасенія своего государя, извѣстенъ каждому. Исполненный благодарности, царь надѣлилъ землею потомковъ Ивана Сусанина, такъ что Сабинины жили обезпеченно, владѣя землею; но во время Пугачевскаго бунта сосѣдніе помѣщики воспользовались смутой и отобрали въ свою пользу землю Сабининыхъ, которые такимъ образомъ остались безъ ничего и мало-по-малу вымерли.

У дѣда моего были еще три дочери, но сыновей больше не было. Отецъ казался такимъ слабымъ ребенкомъ, что родители его, не имѣя никакой надежды сохранить сына, крестили его тотчасъ же послѣ рожденія. Въ юности ему пришлось бороться съ ужасной бѣдностью, такъ что, за неимѣніемъ средствъ къ дальнѣйшему образованію, онъ уже рѣшился выйти изъ училища и сдѣлаться дьячкомъ, когда, благодаря его удивительнымъ способностямъ, на него обратилъ вниманіе архіепископъ Воронежскій и приказалъ принять его въ Воронежскую семинарію на имѣвшуюся тогда стипендію генерала Сакена.

Здѣсь онъ оказалъ такіе успѣхи, что до окончанія курса былъ сдѣланъ преподавателемъ Греческаго языка, а по окончаніи Семинаріи въ теченіи трехъ лѣтъ былъ преподавателемъ Греческаго, Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ; кромѣ того, въ 1816 году назначенъ публичнымъ катихизаромъ въ Воронежѣ. Въ 1817 году онъ поступилъ въ Петербургскую Духовную Академію и черезъ четыре года окончилъ ее со степенью магистра богословія. Затѣмъ два года (1821—1823) оставался при Духовной Академіи баккалавромъ по классу Нѣмецкаго языка. 11-го Октября 1823 года онъ былъ рукоположенъ во іерея и назначенъ священникомъ при Русской миссіи въ Копенгагенѣ. Нѣсколько дней передъ тѣмъ (28 Сентября) онъ женился на моей матери, Александрѣ Тимоѳеевнѣ Вещезеровой. Она была дочь настоятеля Спасо-Сѣнновской Успенской церкви въ Петербургѣ, протоіерея Вещезерова; это былъ очень умный человѣкъ. Матери своей она лишилась, когда ей было всего два года, такъ что воспитала ее старшая ея сестра Марія Тимоѳеевна, вышедшая за протоіерея Петропавловской крѣпости, Кочетова.

Послѣ свадьбы родители мои отправились на мѣсто назначенія моего отца, въ Копенгагенъ. Путешествіе зимою въ 1823 году было далеко не такъ легко, какъ теперь, и длилось шесть недѣль. Переѣхавъ черезъ Русскую границу, они остановились ночевать и спросили себѣ чаю. Вмѣсто чая имъ принесли горшокъ «Biersuppe» (пиво съ битыми яйцами). Волей-неволей распростились они съ чаемъ и уже пріучались къ чужеземному столу.

По пріѣздѣ въ Копенгагенъ, первой ихъ заботой было выучиться Датскому языку.

Отецъ съ жаромъ принялся изучать состояніе Западной Церкви, какъ въ самой Даніи, такъ и въ Германіи. Первые годы онъ много писалъ о раціонализмѣ и мистицизмѣ, напечаталъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» цѣлый рядъ объясненій на Ветхозавѣтныя пророчества, перевелъ съ Еврейскаго на Русскій языкъ книгу Іова, всѣхъ пророковъ и Псалтырь, съ примѣчаніями и толкованіями; затѣмъ составилъ Библейскій лексиконъ, написалъ Сирійскую грамматику, перевелъ съ Французскаго проповѣди Булоня. Библейскій лексиконъ, составленный моимъ отцомъ по просьбѣ митрополита Филарета, былъ отосланъ ему для пересмотра: въ то время у насъ не существовало подобнаго лексикона. Впослѣдствіи всѣ мои старанія получить эту рукопись обратно оказались напрасными. По смерти отца, мать свято хранила большіе фоліанты его рукописей, но во время пожара они сгорѣли. У меня

остались только подаренныя мнѣ отцомъ проповѣди Булоня въ его переводѣ, и то одна часть потерялась при постоянныхъ разъѣздахъ.

Къ сожалѣнію, всѣ эти труды моего отца остались неизданными, такъ какъ его средства были не довольно велики для этого, а когда, по окончаніи перевода книги Іова, онъ обратился къ бывшему въ то время оберъ-прокурору Св. Сунода, графу Протасову, съ предложеніемъ перевести такимъ же образомъ всю Библію (къ переводу приложено было множество примѣчаній, комментаріевъ и указаній, которыя могъ собрать только такой ученый, какъ мой отецъ), ему отвѣчали, что въ настоящее время Россія не нуждается въ Библіи на Русскомъ языкѣ.

Послѣ этого отвѣта, отецъ мой оставилъ любимое занятіе, которому посвятилъ 14 лѣтъ своей жизни, и съ тѣхъ поръ занимался больше изслѣдованіями историческихъ древностей. Гораздо позднѣе Иванъ Ивановичъ Базаровъ уговаривалъ его напечатать за границей этотъ удивительный для одного человѣка трудъ; но отцу казалось неприличнымъ печатать за границей то, что̀ слѣдовало бы печатать у себя дома; при томъ на это потребовались бы большія средства, которыхъ онъ не имѣлъ.

Кромѣ богословскихъ сочиненій, отецъ, въ бытность свою въ Копенгагенѣ, много занимался изученіемъ Исландскихъ сагъ и составилъ Исландскую грамматику на Русскомъ языкѣ, которая впослѣдствіи была издана на средства Академіи Наукъ.

Датскіе ученые сумѣли оцѣнить его знанія, и въ 1835 году онъ былъ принятъ въ дѣйствительные члены Королевскаго Общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ.

Моя мать была блистательно одарена талантами и удивительными способностями. Рано лишившись матери, она получила обыкновенное домашнее воспитаніе и 16-ти лѣтъ отъ роду вышла замужъ. Пріѣхавъ за границу и попавъ въ кругъ образованнаго Копенгагенскаго общества, она почувствовала всю недостаточность своего образованія и принялась учиться. Отецъ мой научилъ ее Нѣмецкому, Датскому и Французскому языкамъ и, кромѣ того, она, изъ желанія помогать мужу, сама изучила древніе Латинскій, Греческій, Еврейскій и другіе языки, такъ что всѣ его сочиненія и переводы переписывала всегда она. Впослѣдствіи она сама переводила съ Датскаго на Русскій разныя вещи Оленшлэгера (Öhlenschläger), а затѣмъ съ Нѣмецкаго «Торквато Тассо» Гёте.

Въ Копенгагенѣ она начала брать уроки музыки, которую страстно любила. Когда она упражнялась на фортепіано, то ставила колыбель меньшого ребенка около себя и, если онъ начиналъ плакать, убаюкивала его, качая люльку одной ногой и не переставая играть. Въ Веймарѣ она должна была брать уроки музыки у извѣстнаго піаниста І. П. Гуммеля, бывшаго въ то время капельмейстеромъ въ Веймарѣ. Но мечта ея не сбылась: когда родители мои пріѣхали, Гуммель былъ еще на ногахъ, но видимо страдалъ, а черезъ полгода его уже не стало.

Насъ было двѣнадцать человѣкъ дѣтей; всѣхъ насъ мать сама выкормила, вынянчила, научила читать и писать, никогда, пока мы были маленькими, не оставляя насъ на попеченіе няни. Замѣчая у всѣхъ насъ любовь къ музыкѣ, она дала намъ возможность учиться ей. Старшая сестра Лиза очень хорошо играла, и мы всѣ за ней тянулись. Моя мать почти ежедневно играла съ Лизой въ четыре руки, и для меня не было бо́льшей радости, какъ, забившись въ уголъ дивана, слушать ихъ игру и крѣпко засыпать подъ ея звуки. Тогдашняя музыкальная литература не была очень велика и состояла изъ сочиненій Куллака, Мошелеса, Гуммеля, Дюссека, Моцарта, Вебера, Бетховена и пр., и изъ оранжировокъ оперныхъ увертюръ прошлаго столѣтія.

Когда мы подросли, находя, что въ домѣ и безъ того довольно музыки, мать въ 1839 году, имѣя уже восемь человѣкъ дѣтей и 30 лѣтъ отъ роду, начала рисовать. Впослѣдствіи она много занималась живописью и такъ успѣшно, что получила серебряную медаль отъ Петербургской Академіи Художествъ, съ правомъ выставлять свои работы въ Академіи.

Вообще родители мои вели жизнь самую дѣятельную; мы поневолѣ были увлечены ихъ примѣромъ и старались подражать имъ во всемъ.

Хотя родители мои жили очень уединенно, у отца было въ Даніи нѣсколько друзей: тогдашній посланникъ баронъ Николаи, графиня Розенкранцъ, къ которой мы ходили играть разъ въ недѣлю, семейство Французскихъ эмигрантовъ, Фонтенэ, Вурценъ, Магнузенъ, семейство Банкъ, Генріэта Плётцъ, семейство Эбелингъ и другіе. Г-жа Эбелингъ была ученица Калькбренера и хорошо играла. У нея былъ сынъ, котораго до шестилѣтняго возраста она воспитывала какъ грудного ребенка: бывало, она сидитъ за роялемъ, а мальчикъ приноситъ скамейку, садится возлѣ матери и требуетъ, чтобы она его кормила.

Принцъ Эрнстъ-Бархфельдъ-Филиппсдаль, жившій въ то время въ Копенгагенѣ, тоже бывалъ у моего отца. У этого принца одна нога была оторвана въ одномъ изъ Наполеоновскихъ сраженій, и вмѣсто нея онъ долгое время носилъ простую круглую палку. Когда онъ ходилъ по комнатѣ, его палка-нога производила сильный и равномѣрный стукъ. Разъ, когда я была маленькой, онъ задалъ мнѣ большой страхъ. Я была ребенкомъ съ сильнымъ воображеньемъ, и голова моя была набита разными сказками нашей няни. Разъ сижу я въ комнатѣ рядомъ съ гостиной и вдругъ слышу тамъ какой-то непонятный для меня стукъ, который приближается къ той комнатѣ, въ которой я нахожусь. Я вскакиваю совсѣмъ испуганная. Дверь отворяется, и входитъ офицеръ съ деревянной ногой, пріѣхавшій навѣстить отца, принцъ Эрнстъ-Бархфельдъ-Филиппсдаль. Впослѣдствіи, когда въ Веймарѣ я видала его у отца, деревянная нога его была замѣнена искусственной металлической, имѣвшей форму здоровой ноги, и принцъ владѣлъ ею очень ловко.

Славный Датскій археологъ Раффнъ былъ большой другъ моего отца, и они переписывались до самой его смерти.

Епископъ Мюнтеръ, извѣстный теологъ, былъ тоже однимъ изъ друзей моего отца. Онъ былъ замѣчательно разсѣянъ, и о немъ отецъ разсказывалъ много забавныхъ анекдотовъ.

Однажды въ солнечный лѣтній день онъ шелъ съ раскрытымъ зонтикомъ по одной изъ улицъ Копенгагена, вдоль тротуара, въ которомъ находилась водосточная канава. Углубленный въ свои мысли, епископъ очутился въ этой канавѣ и, встрѣтившись съ однимъ своимъ пріятелемъ, съ удивленіемъ спросилъ его: «Скажите, пожалуйста, отчего на улицѣ такъ мокро, а вѣдь солнце такъ свѣтитъ». Пріятель вывелъ его изъ водосточной канавы, и тогда только Мюнтеръ понялъ, отчего подъ ногами его было мокро. Другой разъ, когда у него въ гостиной сидѣло большое общество, Мюнтеръ явился туда, держа подъ мышкой предметъ, который онъ принималъ за свою шляпу, но который оказался крышкой столь извѣстнаго фасона, что его появленіе съ нею вызвало неудержимый смѣхъ присутствующихъ. Въ кабинетѣ Мюнтера стояло бюро, на которомъ онъ всегда писалъ и занимался. Разъ, вечеромъ онъ съ ужасомъ кричитъ своимъ дочерямъ, находившимся въ сосѣдней комнатѣ: «Дѣти, я ослѣпъ!» Дочери страшно перепугались и въ первую минуту не могли понять, что съ нимъ случилось, пока наконецъ не спросили его: «Да гдѣ же свѣчи?» Тогда оказалось, что въ разсѣянности онъ закрылъ бюро, на крышкѣ кото-

раго стояли зажженныя свѣчи и, такимъ образомъ, захлопнувъ крышку, неожиданно очутился въ темнотѣ и вообразилъ, что ослѣпъ.

Въ Мартѣ 1836-го года все наше семейство отправилось въ Петербургъ повидаться съ родственниками. Путешествіе это мы совершили моремъ на купеческомъ кораблѣ; но о немъ у меня остались лишь самыя смутныя воспоминанія, такъ какъ въ то время я была еще очень мала и кромѣ того была такъ больна, что меня причастили, думая, что я не останусь въ живыхъ.

Въ Петербургѣ мы остановились у дяди Кочетова.

Акимъ Семеновичъ Кочетовъ, почтенный протоіерей Петро-Павловской крѣпости, былъ мужемъ старшей сестры моей матери, Маріи Тимофеевны. Кто бы изъ насъ ни пріѣхалъ въ Петербургъ, его гостепріимный домъ былъ всегда для насъ открытъ, и мы проживали у него по цѣлымъ мѣсяцамъ. Это былъ неутомимо дѣятельный человѣкъ, занятый съ ранняго утра до поздней ночи и видѣвшій свою семью только во время обѣда и въ праздничные дни. Болѣе добраго и кроткаго человѣка я въ своей жизни не встрѣчала: по ровности характера онъ могъ служить примѣромъ для каждаго *).

И онъ, и жена его, оба были очень даровиты и отличались неимовѣрной добротой. О ней я могу только сказать, что, какъ для моей матушки, такъ и для ея дѣтей, она была второй матерью. Моя мать лишилась своей матери, будучи еще ребенкомъ, а затѣмъ руководилась своей старшей сестрой. Мы же, ея дѣти, особенно мои братья, пропали бы, не имѣя нашей тётеньки, которая заботилась о насъ, какъ о своихъ родныхъ дѣтяхъ. Родиной нашей была чужая сторона и хоть мы любили наше отечество, какъ только можно его любить, но пріѣхать въ Россію, никого и ничего въ ней не зная, едва владѣя Русскимъ языкомъ, было намъ нелегко, и я не понимаю, какъ бы мы всѣ тамъ жили безъ нашей дорогой тётеньки.

У нея самой было большое семейство. Ея старшій сынъ Владиміръ кончилъ свою службу ректоромъ Харьковскаго Университета.

Второй, Разумникъ, во время Крымской кампаніи, былъ посланъ въ Севастополь и служилъ потомъ въ Морскомъ Министерствѣ. Онъ женился на Александрѣ Доримедонтовнѣ Соколовой, извѣстной въ музыкальномъ мірѣ пѣвицѣ, пѣвшей подъ псевдонимомъ Александровой. Разумникъ Акимовичъ Кочетовъ скончался въ цвѣтѣ лѣтъ отъ тифа,

*) Акимъ Семеновичъ Кочетовъ скончался 1854 года (17—29 Марта).

и вдова его осталась съ маленькими дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ существованію, имѣя притомъ нравственное обязательство уплаты долговъ своего мужа; это и побудило ее оставить Петербургъ и поступить въ Московскую оперу. Но ея свекровь и слышать не хотѣла о вступленіи ея на сцену подъ именемъ Кочетовой, поэтому она выступила подъ именемъ Александровой.

Отецъ Александры Доримедонтовны въ теченіе многихъ лѣтъ былъ протоіереемъ при нашемъ посольствѣ въ Берлинѣ; тамъ и получила она свое воспитаніе. По смерти ея отца, великая княгиня Елена Павловна назначила ее къ своему двору въ Петербургѣ, гдѣ она, вмѣстѣ съ г-жею Фридбергъ, много лѣтъ пѣла на музыкальныхъ вечерахъ великой княгини. Въ Берлинѣ Александра Доримедонтовна получила очень основательное образованіе и хорошо пѣла (сопрано); но пѣніе ея, какъ и все, что̀ она дѣлала, было болѣе обдумано чѣмъ прочувствовано. Быть можетъ, то общество въ которое она попала послѣ Берлинской жизни, дворъ великой княгини Елены Павловны, немало способствовало образованію у молодой дѣвушки болѣе степеннаго характера, чѣмъ могло бы случиться при иной школѣ жизни. Дворъ великой княгини отличался строгой выдержкой, какъ наружной, такъ и внутренней: выдержка была отпечатана во всемъ и на всѣхъ. Умъ и талантъ были всегда званые гости при ея дворѣ и находили поддержку въ великой княгинѣ, которая отличалась рѣдкимъ даромъ распознаванія людей: качество, чаще встрѣчаемое у лицъ прошедшихъ тяжелую школу жизни, чѣмъ у тѣхъ, которые dans le tourbillon de la vie не могутъ вникать, а могутъ только наблюдать внутреннюю жизнь человѣка. Но бываютъ исключенія, и къ нимъ принадлежала великая княгиня Елена Павловна. Увидавъ въ Берлинѣ Александру Доримедонтовну Соколову, она поняла, что въ этой едва развившейся дѣвушкѣ есть тотъ элементъ, который требуется для поступленія къ ея двору. Впослѣдствіи, оставшись вдовой, Александра Доримедонтовна стоически перенесла постигшее ее горе и создала себѣ дѣятельность, давшую ей возможность отлично воспитать своихъ дѣтей. Ея дочь, Зоя Разумниковна, извѣстная пѣвица; ее прозвали Русской Патти; но она рано перестала пѣть, потерявъ голосъ вслѣдствіе бронхита; вернется ли онъ ей, это вопросъ времени и сомнительный. Она вышла замужъ за извѣстнаго фельетониста-писателя Немировича-Данченко.

Борисъ Акимовичъ Кочетовъ, очень умный человѣкъ, началъ службу, будучи еще очень молодымъ, и состоялъ при особѣ оберъ-полицмейстера Галахова. Въ часы досуга онъ занимался музыкой, которую страстно любилъ. Ему поручили сдѣлать, въ одной изъ от-

даленныхъ губерній Россіи, дознаніе надъ дѣйствіями вице-губернатора Б. Онъ отправился туда со своей молодой женой, собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія и возвращался по Волгѣ обратно въ Петербургъ. Изъ предосторожности онъ не разставался съ портфёлемъ, въ которомъ хранились очень важныя для слѣдствія бумаги. Плыли они по Волгѣ въ очень темный вечеръ. Когда зазвонили къ чаю, жена его пошла за нимъ на палубу, но его тамъ не оказалось. Всѣ розыски оказались тщетными: онъ исчезъ въ Волгѣ вмѣстѣ со своимъ портфёлемъ, и даже тѣло его не всплыло и не было найдено.

Братъ его Глѣбъ—они были близнецы—скончался тоже загадочною смертью. Онъ служилъ по Министерству Юстиціи и получилъ командировку въ Кіевскую губернію. Едва успѣлъ онъ что-либо сдѣлать, какъ скончался въ захолустьѣ, послѣ нѣсколькихъ часовъ мучительныхъ страданій. Его семейство подозрѣвало отраву, такъ какъ онъ былъ и уѣхалъ здоровымъ человѣкомъ.

Младшій изъ братьевъ, Акимъ Акимовичъ, воспитывался въ Александровскомъ Лицеѣ и, хотя очень умный, но не имѣлъ той коренастой натуры, которая была удѣломъ его старшихъ братьевъ. Онъ служилъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Изъ сестеръ ихъ старшая, Людмила, была замужемъ за Иваномъ Ивановичемъ Базаровымъ, бывшемъ сначала духовникомъ великой княгини Елисаветы Михайловны, герцогини Нассауской, а послѣ кончины великой княгини, онъ поступилъ къ королевѣ Виртембергской Ольгѣ Николаевнѣ. Отецъ Базаровъ извѣстенъ, какъ писатель, а еще болѣе памятенъ онъ всѣмъ Русскимъ, жившимъ въ Висбаденѣ и въ Штутгардтѣ, своимъ гостепріимствомъ и поддержкою, которую онъ оказывалъ всякому, гдѣ только могъ. Людмила Акимовна была рѣдкая женщина по уму, талантамъ и скромности. Она скончалась отъ чахотки въ Висбаденѣ. Наканунѣ ея смерти, доктора увѣрили Ивана Ивановича, что онъ спокойно можетъ ѣхать въ Баденъ, куда его вызвали крестить ребенка, но когда на слѣдующій день онъ вернулся домой, жены его уже не было въ живыхъ.

Младшая дочь Маріи Тимофеевны Кочетовой пошла по художественной карьерѣ; рисунки и гравюры Ольги Акимовны извѣстны всѣмъ, кто слѣдитъ за развитіемъ Русской художественной школы.

Прогостивъ у Кочетовыхъ до осени мы, въ Сентябрѣ 1836-го года, вернулись въ Копенгагенъ.

При отцѣ въ Копенгагенѣ служили два псаломщика. Одинъ изъ нихъ былъ Терентій Ивановичъ Осипинъ, единственный сынъ, былъ извѣстный впослѣдствіи педагогъ, Иванъ Терентьевичъ, блестящей карьерѣ котораго въ Петербургѣ много способствовали Анна Ѳеодоровна Тютчева и ея знакомые.

Выдающіяся способности моего отца, какъ богослова, педагога и археолога, обратили на него вниманіе императора Николая Павловича, и въ 1837-мъ году, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ переведенъ въ Веймаръ духовникомъ къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, супругѣ гросъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго Карла Фридриха.

Передъ тѣмъ какъ получить это назначеніе онъ долженъ былъ ѣхать въ Веймаръ, лично представиться великой княгинѣ, которая заставила его выдержать цѣлое испытаніе: онъ не только служилъ въ ея присутствіи, но около шести разъ она призывала его къ себѣ, задавала ему вопросы изъ разныхъ отраслей богословія, особенно подробно входила въ изслѣдованіе современнаго состоянія религіи, спрашивала даже о статистикѣ Россіи. Знакомство отца съ богословіею Германіи послужило ему на пользу, и великая княгиня, отпуская его сказала, что надѣется скоро съ нимъ увидѣться. Дѣйствительно вскорѣ послѣ этого онъ получилъ окончательное назначеніе свое въ Веймаръ и 26-го Августа 1837-го года со всей своей семьей оставилъ Копенгагенъ, послѣ 14-ти лѣтняго пребыванія.

Въ то время слава Гёте, Шиллера, Гердера и Виланда озаряла поэтическимъ блескомъ неприглядный маленькій Веймаръ; не видавшіе знаменитыхъ поэтовъ при жизни совершали туда какъ бы паломничество, желая видѣть мѣста, гдѣ жили и вдохновлялись величайшіе писатели Германіи. Понятно, что и мои родители раздѣляли всеобщее стремленіе къ Веймару и охотно туда переселялись. Но мы дѣти со слезами разставались съ нашимъ роднымъ Копенгагеномъ, съ жизнью на морскомъ берегу, со всѣмъ, что̀ такъ плѣняло наше дѣтское воображеніе. Любимыми нашими прогулками въ Копенгагенѣ были «Langelinie» и «Schmiedegang».

Первая изъ нихъ особенно памятна мнѣ, такъ какъ на ней родители мои подверглись однажды большой опасности, отъ которой спаслись однимъ чудомъ. Разъ, когда они сидѣли на скамейкѣ на берегу моря, какъ часто случалось, моя мать читала «Торквато Тассо» Гёте; передъ ними разстилалось голубое море, а позади ихъ находилась крѣпость Копенгагена, гдѣ въ то время происходило упражненіе

въ пальбѣ. Вдругъ пушечное ядро пролетаетъ между ними и падаетъ въ море, не причинивъ вреда ни тому, ни другой.

Во время четырнадцатилѣтняго пребыванія въ Копенгагенѣ у родителей моихъ родилось восемь человѣкъ дѣтей: 1) Дмитрій, 2) Елисавета, 3) Иванъ, 4) Елена, 5) Марѳа (я), 6) Марія, 7) Степанъ, 8) Василій.

Наняли два большихъ дорожныхъ экипажа, въ одномъ изъ которыхъ помѣстили всѣхъ насъ—дѣтей съ нашей няней, Датчанкой Юліаной Лассенъ, когорая соблюдала порядокъ въ дѣтскомъ лагерѣ и развлекала насъ сказками. Братъ Василій, тогда еще грудной ребенокъ, большую часть времени оставался при матери.

Такъ какъ въ то время въ Берлинѣ свирѣпствовала холера, то мы оставили его въ сторонѣ и отправились въ Веймаръ черезъ Гарцъ.

Дорога немного развлекала нашу тоску по морю, но послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Веймарѣ, наша няня не знала, что̀ съ нами дѣлать: мы все требовали, чтобы насъ вели къ морю, на наши любимыя Langelinie и Schmidegang. Насъ вели гулять, и наша няня всѣми силами старалась заговорить насъ сказками, показывала разные виды, гулянья, красивыя мѣстности, водила по историческому Веймарскому парку, который еще такъ недавно расширили новыми посадками гросъ-герцогъ Карлъ Августъ и его другъ Гёте; это интересовало всякаго, но только не насъ дѣтей, и мы возвращались домой въ слезахъ и требовали моря.

Тоска по морю длилась у насъ годами и когда, двѣнадцать лѣтъ спустя, я, въ первый разъ послѣ моря, увидѣла Рейнъ, — я не могла удержаться и горько расплакалась при воспоминаніи о морѣ. Всѣ мы дѣти, родившіяся въ Копенгагенѣ, никогда не могли забыть прелестей моря, и видъ ракушки, рыбы, даже маленькой креветки, приводилъ насъ въ восторгъ тридцать лѣтъ спустя.

Такъ какъ наша няня, переселившаяся съ нами изъ Копенгагена, сначала примѣшивала къ Нѣмецкимъ словамъ Датскія, чтобы заставить себя понять Нѣмцевъ, то впослѣдствіи она стала говорить на какомъ-то языкѣ, составленномъ изъ Датскаго съ Нѣмецкимъ. Она оставалась у насъ до 1851-го года, когда пришлось съ ней разстаться. Однажды утромъ я сидѣла у окна и шила; вдругъ въ 10 часовъ вижу, что наша великая княгиня, въ парадной каретѣ, ѣдетъ прямо въ церковь. Церковь была заперта. Моя мать побѣжала внизъ, и что̀ же оказалось? Наканунѣ вечеромъ придворный лакей принесъ отъ г-жи Соколовой (камеръ-фрау великой княгини) записку, въ которой она сообщала моему отцу, что

великая княгиня проситъ его отслужить на слѣдующее утро заупокойную обѣдню; лакей передалъ записку нашей нянѣ, а та положила ее себѣ на столъ и забыла передать моему отцу. Узнавъ объ этомъ, отецъ сейчасъ же отправился къ нашей великой княгинѣ, чтобы извиниться, и тутъ же было рѣшено отправить старуху-няню обратно въ Копенгагенъ. Со слезами разставались мы съ нашей старой служанкой, которая была послѣднимъ человѣкомъ, напоминавшимъ намъ о нашей родинѣ (erste Heimath).

Разъ, въ началѣ нашего пребыванія въ Веймарѣ, мы дѣти сидѣли на скамеечкѣ въ паркѣ, вмѣстѣ съ нашей старой Юли, какъ мы звали няню; вдругъ изъ-за ея спины выскакиваетъ длинноногій молодой человѣкъ и, желая испугать ее, перепрыгиваетъ черезъ ея голову; она узнала его тогда, когда онъ уже убѣжалъ. Это былъ старшій сынъ графа Фредро, котораго я встрѣчала въ шестидесятыхъ годахъ въ качествѣ maître de plaisir въ Петербургскомъ обществѣ. Онъ много лѣтъ прожилъ въ Веймарѣ вмѣстѣ съ единственнымъ братомъ,—который впослѣдствіи поступилъ въ монастырь въ Римѣ,—и со своими родителями, и отличался множествомъ шалостей. Вотъ, напримѣръ одна изъ его продѣлокъ. На рыночной площади Веймара находится фонтанъ, украшенный каменнымъ Нептуномъ. Въ одно прекрасное утро почтенные граждане были очень удивлены, когда, открывъ окна, чтобы взглянуть на небо, они увидѣли Нептуна на фонтанѣ окрашеннымъ въ ярко-красную краску. Вскорѣ оказалось, что превращеніе это совершено было веселымъ обществомъ молодыхъ людей съ графомъ Фредро во главѣ.

Примѣчаніе. Изъ слѣдующаго письма Александры Тимоѳеевны, написаннаго въ началѣ пребыванія Сабининыхъ въ Веймарѣ, видно, что первое время имъ пришлось примириться съ нѣкоторыми неудобствами и съ первой же зимы привыкать къ климату значительно болѣе суровому, нежели въ Даніи. — „Въ знаменитомъ городѣ Веймарѣ“, пишетъ Александра Тимоѳеевна, „нѣтъ ничего готоваго, и намъ пришлось все заказывать, при чемъ всѣ заказы выполнялись съ престранной флегмой. Къ Рождеству получили мы послѣднюю заказанную мебель, а до тѣхъ поръ пришлось довольствоваться немногими вещами. Домъ, въ которомъ мы живемъ, совершенно новый и сырой, что̀ очень вредно для здоровья и крайне непріятно при здѣшнихъ холодахъ. Уже нѣсколько недѣль морозы стоятъ постоянно отъ 12-ти до 26-ти градусовъ. Хотя мы дѣти такъ называемаго суроваго климата, тѣмъ не менѣе мы очень чувствительны къ холоду. Дрова здѣсь плохи и дороги. Цѣны на съѣстные припасы почти тѣ же, что̀ въ Копенгагенѣ, но образъ жизни немного иной . . . . . Здѣшній дворъ въ Саксонскомъ вкусѣ, гдѣ, какъ извѣстно, только тѣ могутъ обѣдать при дворѣ, у кого пра-пра-прадѣды были дворянами.—Великая княгиня очень добра и милостива къ намъ, какъ и ко всѣмъ; но все же она великая княгиня, съ которой нельзя заговорить, когда она молчитъ и которой не смѣешь сказать всего того, что̀ бы хотѣлось. О здѣшнихъ дворянахъ вы можете получить понятіе, прочитавъ „Ueber den Adelstolz“ Жанъ-Поля...“

Въ Веймарѣ, какъ и вообще въ маленькихъ городахъ, жители были такъ любопытны и до такой степени сплетничали, что вскорѣ по пріѣздѣ моя мать писала одной своей пріятельницѣ, что въ Веймарѣ знаютъ не только все, что было или будетъ, что сказали или подумали, но даже и то, что не случалось, чего не говорили и не думали. Великая княгиня сочла даже нужнымъ предостеречь отца и разъ, спросивъ его, не случилось ли съ нимъ что-нибудь непріятнаго, прибавила: «Нельзя себѣ представить, сколько недоброжелательнаго говорится въ Веймарѣ; я все знаю, но не вѣрю».

Впрочемъ не всѣ занимались сплетнями, и вскорѣ родители мои сошлись съ нѣсколькими пріятными семействами, между прочимъ съ знаменитымъ проповѣдникомъ Рёръ (Röhr).

Въ 1838-мъ году, во время пребыванія своего въ Веймарѣ, Императоръ Николай I пожаловалъ отцу моему наперсный крестъ, усыпанный драгоцѣнными каменьями. Въ теченіе четырнадцати лѣтъ Государь не разставался съ этимъ крестомъ во время своихъ путешествій, и отецъ былъ очень счастливъ, что удостоился получить его.

Примѣчаніе. Въ 1839-мъ году, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, учителемъ музыки у Маріи Степановны былъ Кёльнеръ. Это былъ еще молодой человѣкъ. Однажды во время урока онъ разгорячился и ударилъ по пальцамъ свою юную ученицу. Марія Степановна ничего ему не сказала, но по окончаніи урока пошла къ своему отцу и, разсказавъ ему, что сдѣлалъ г-нъ Кёльнеръ, объявила, что не можетъ продолжать учиться у человѣка, который дерется. Она страстно любила музыку, но предпочитала лишиться уроковъ и заняться одной, безъ необходимаго руководителя, скорѣе чѣмъ учиться у человѣка, осмѣлившагося ее ударить. Хотя въ то время ей было всего восемь лѣтъ, но отецъ Сабининъ понялъ, что рѣшеніе ея твердо и повидимому раздѣлилъ ея мнѣніе, такъ какъ уроки у Кёльнера болѣе не возобновлялись. Послѣ этого долгое время Марія Степановна оставалась безъ учителя, усердно упражняясь одна, пока наконецъ нашли для нея учительницу музыки, Ульриху Вольфгангъ.

Изъ слѣдующихъ двухъ короткихъ замѣтокъ видно, до какой степени Марія Степановна увлекалась музыкой, будучи всего десятилѣтнимъ ребенкомъ, и уже тогда она умѣла цѣнить художественное исполненіе.

1841-й годъ.

30-го Января. Давали «Преціозу» К. М. Ф. Вебера. Между актами Тальбергъ игралъ свои фантазіи на темы изъ оперъ «Моисей» Россини и «Донъ-Жуанъ» Моцарта. Я слушала его, и мягкая и пѣвучая игра его привела меня въ восторгъ. На другой же день я побѣжала достать себѣ эти ноты и, ни мало не смущаясь, стала ихъ играть.

29-го Ноября того же года въ театрѣ былъ концертъ Франца Листа. Я слышала его въ первый разъ. Игра Листа произвела на меня удручающее впечатлѣніе: это было что-то феноменальное.

1842-й годъ.

Весной 1842-го года на Веймарской сценѣ пѣла извѣстная драматическая пѣвица Вильгельмина Шрёдеръ-Девріенъ, жена извѣстнаго актёра Эмиля Девріенъ и сестра жившей въ Веймарѣ г-жи Генастъ. Она выступила въ Веймарѣ въ роли Ромео въ «Ромео и Джульетта» Беллини и въ роляхъ Маріи въ оперѣ Гретри «Синяя борода». Впослѣдствіи я ее еще видѣла въ «Фиделіо» Бетховена и въ «Нормѣ» Беллини. Она великолѣпно пѣла и играла, была красива и полна драматизма, и имя ея извѣстно было по всей Европѣ. Она вездѣ пѣла романсы Шуберта и много способствовала ихъ распространенію. Когда я услышала, какъ она пѣла «Лѣсной царь» и «Wanderer», я впервыя поняла, что̀ такое былъ Шубертъ и какъ слѣдуетъ его пѣть.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ она пѣла у нашей великой княгини, послѣ чего великая княгиня, черезъ своего секретаря, Карла Ивановича Отто, послала ей на память дорогой браслетъ. На слѣдующій день къ камерфрау великой княгинѣ, Маврѣ Петровнѣ Соколовой, является Вильгельмина Шредеръ-Девріенъ, возвращаетъ ей браслетъ и говоритъ, что, вѣроятно по ошибкѣ, ей прислали отъ ея высочества браслетъ съ фальшивыми камнями. Мавра Петровна взяла браслетъ и отправилась съ нимъ къ великой княгинѣ, которая сама выбрала другой съ настоящими каменьями, поступкомъ же своего секретаря была такъ возмущена, что немедленно его уволила, а на его мѣсто назначила Роберта Карловича Фелейзена, брата извѣстнаго Петербургскаго банкира.

7-го Мая извѣстный скрипачъ Г. В. Эрнстъ игралъ свои сочиненія. Впослѣдствіи я еще слыхала его, и его мягкій, пѣвучій смычокъ, мастерская техника и спокойствіе во время игры, доказывавшее полное обладаніе инструментомъ, вполнѣ меня восхищали.

1843-й годъ.

Въ Апрѣлѣ 1843-го года мой братъ Дмитрій уѣхалъ въ Россію, для поступленія въ университетъ. Первые годы онъ такъ скучалъ по семейству, что совсѣмъ не могъ преодолѣть этой тоски. Письма онъ писалъ очень неохотно, и потому со всѣхъ сторонъ на него сыпались жалобы и упреки; и чѣмъ болѣе его упрекали за его молчаніе, тѣмъ упорнѣе онъ молчалъ. Вообще всѣ мои братья не любили усиленной корреспонденціи; наоборотъ же всѣ мы сестры, за исключеніемъ Елены, переписывались очень прилежно. Во время нашего пребыванія

за границей я вела большую переписку, но, живя потомъ въ Россіи, при скудости общеинтересующихъ предметовъ, и зная, что нескромный глазъ прочтетъ самыя невинныя изліянія дружбы, мало-по-малу у меня прошла охота писать pour les beaux yeux какого-нибудь...

Я помню тогда письмо изъ Петербурга въ Веймаръ стоило около 2-хъ рублей; мало-по-малу цѣна убавлялась, и при императорѣ Александрѣ II-мъ переписка стала доступною для каждаго.

Сначала Дмитрій поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, но послѣ трехъ лѣтъ занятій онъ все еще не могъ привыкнуть видѣть кровь, и въ анатомическомъ кабинетѣ ему постоянно дѣлалось дурно. Наконецъ, въ 1846-мъ году онъ объявилъ, что не можетъ изучать медицину, и просилъ родителей позволить ему перейти на филологическій факультетъ.

Иванъ, мой второй братъ, въ 1843-мъ году, учился гравировать на мѣди у Швертгебурга, дѣлалъ копіи съ гравюръ Рембрандта и Альбрехта Дюрера и въ томъ же году хорошо исполнилъ портретъ отца. Занимаясь все болѣе искусствомъ, онъ наконецъ, въ 1844-мъ году, рѣшился сдѣлаться художникомъ, вышелъ изъ гимназіи, гдѣ учился такъ прилежно, что одно время опасались за его здоровье, и поступилъ къ художнику Преллеру. Съ нимъ онъ ѣздилъ въ Антверпенъ для изученія Голландской школы и для обозрѣнія тамошнихъ картинныхъ галлерей.

Осенью 1843-го года мы переѣхали на новую квартиру, въ которой прожили до самой смерти моего отца. Эта квартира была тѣмъ удобна, что въ томъ же домѣ помѣщалась и православная церковь. Отецъ нанялъ его послѣ смерти жившей въ немъ оберъ-гофмейстерины великой княгини, графини Генкель Ф. Допперсмаркъ, которая скончалась въ глубокой старости, а пока жила въ домѣ, не дѣлала никакихъ поправокъ, такъ что отцу пришлось много истратить, чтобы привести домъ въ надлежащій порядокъ. Другую половину дома, надъ церковью, занимала когда-то Генріэтта фонъ-Штейнъ, извѣстная по своей дружбѣ и перепискѣ съ Гёте, и тамъ въ стѣнномъ шкапу рукою Гёте были обозначены книги, которыя онъ читалъ у Г. Ф. Штейнъ.

Въ Октябрѣ въ Веймаръ пріѣхала на двѣ недѣли шестнадцатилѣтняя піанистка, ученица Гензельта, Юлія Гринбергъ; она съ успѣхомъ играла въ Лейпцигѣ и передъ великой княгиней, а затѣмъ уѣхала въ Вѣну. Во время своего пребыванія въ Веймарѣ, она каждый день бывала и играла у насъ. Съ ней была и сестра ея, извѣстная впо-

слѣдствіи, какъ пѣвица при дворѣ великой княгини Елены Павловны, Изабелла Гринбергъ.

Кромѣ фортепіано, я занималась пѣніемъ и была членомъ пѣвческаго кружка (Singverein), основаннаго директоромъ хорового пѣнія Г. Ф. Гэзеромъ (Häser) и получившаго имя своего основателя «Häser-Singverein». Гэзеръ былъ ученый контрапунктистъ и давалъ великой княгинѣ уроки гармоніи. Моя сестра Елисавета тоже училась у него и очень любила добраго старика. Онъ умеръ въ концѣ 1844-го года, и послѣ смерти его директоромъ пѣвческаго кружка выбрали Кёльнера.

Елена и я брали уроки фортепіано у профессора Фр. Тёпфера, и кромѣ того Елисавета и мы двѣ занимались съ нимъ теоріей музыки. Тёпферъ былъ ученикъ Гуммеля, самъ уже немолодой человѣкъ, и былъ органистомъ главной церкви въ Веймарѣ. Съ нимъ я играла этюды Краммера, сочиненія Гайдна, Моцарта, Гуммеля, Мошелеса, Куллака, Штейбельта, Дюссека, а главное почти всѣ сонаты (до ор. 100) Бетховена. Мнѣ тогда минуло только двѣнадцать лѣтъ и, не будучи еще достаточно развитой, чтобы понимать всего Бетховена, я играла его какъ мертвую букву, и впослѣдствіи нарочно долго не играла, чтобы забыть то, что̀ мнѣ казалось тогда непонятнымъ.

1844-й годъ.

Зимой 1844-го года Листъ былъ въ Веймарѣ, и два раза я слышала его въ концертахъ; до сегодня не забыла я, какъ онъ игралъ фантазію на Донъ-Жуана, Фенеллу, Erlkönig и хроматическій галопъ.

На Ѳоминой недѣлѣ въ Веймарѣ былъ Цесаревичъ, а затѣмъ у великой княгини гостилъ недавно овдовѣвшій герцогъ Ольденбургскій.

Въ Апрѣлѣ отецъ получилъ за свои ученые труды орденъ Владимира 3-ей степени: въ то время очень рѣдкую награду.

Въ томъ же году отецъ лишился нѣсколькихъ хорошихъ знакомыхъ, профессоровъ Іенскаго университета. Профессоръ Карлъ Кохъ отправился путешествовать на Кавказъ; онъ былъ ботаникъ и, по возвращеніи изъ Кавказа, онъ издалъ описаніе своего путешествія. Мой отецъ и онъ, да и вообще его и наше семейства, находились въ дружескихъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ директоромъ ботаническаго сада въ Берлинѣ, гдѣ и оставался до конца своей жизни.—Профессора Асферусъ, Фризъ (Fries, проф. философіи) и Баумгартенъ-Крузіусъ умерли, что̀ было очень чувствительной потерей для университета. Изъ нихъ Баумартенъ-Крузіусъ былъ очень ученый и

извѣстный профессоръ богословія, но у него была idée fixe воспитать свою единственную дочь безъ помощи обыкновенныхъ педагогическихъ пріемовъ; понятно, что изъ нея вышло что-то удивительное, или, вѣрнѣе сказать, она осталась дитятей природы.

1845-й годъ.

3 (15) Января 1845 года я испытала глубокое горе. Мнѣ было только четырнадцать лѣтъ; скончался молодой человѣкъ, котораго я знала и любила съ десяти лѣтъ. Это была и осталась моя единственная любовь во всю мою жизнь. Его любовь выражалась тѣмъ, что когда въ дѣтствѣ мы, будучи сосѣдями, играли ежедневно вмѣстѣ, онъ приносилъ мнѣ цвѣты изъ своего сада, подарилъ нѣсколько маленькихъ бездѣлушекъ,—и въ невинныхъ играхъ разыгралась любовь. Онъ былъ пятью годами старше меня и скончался отъ тифа, не въ Веймарѣ. Я помню, когда вечеромъ пришли разсказать моей матери, что получено извѣстіе, что онъ умеръ,—меня какъ холодомъ обдало; но я вышла въ другую комнату, чтобы никто не замѣтилъ моего волненія.

17 (29) Іюня мы всей семьей поѣхали навѣстить семейство профессора Коха; всего два часа ѣзды на лошадяхъ. Когда вечеромъ мы вернулись, то узнали, что пріѣхали и были у отца Николай Васильевичъ Гоголь и графъ Александръ Петровичъ Толстой.

На другой день они пришли къ отцу, и я въ первый и послѣдній разъ видѣла знаменитаго писателя. Онъ былъ небольшого роста и очень худощавъ; его узкая голова имѣла своеобразную форму—френологъ бы сказалъ, что выдаются религіозность и упрямство. Свѣтлые волосы висѣли прямыми прядями вокругъ головы. Лобъ его, какъ будто подавшійся назадъ, всего больше выступалъ надъ глазами, которые были длинноватые и зорко смотрѣли; носъ сгорбленный, очень длинный и худой, а тонкія губы имѣли сатирическую улыбку. Гоголь былъ очень нервный, движенія его были живыя и угловатыя, и онъ не сидѣлъ долго на одномъ мѣстѣ: встанетъ, скажетъ что-нибудь, пройдется нѣсколько разъ по комнатѣ и опять сядетъ. Онъ пріѣхалъ въ Веймаръ, чтобы поговорить съ моимъ отцомъ о своемъ желаніи поступить въ монастырь. Видя его болѣзненное состояніе, слѣдствіемъ котораго было ипохондрическое настроеніе духа, отецъ отговаривалъ его и убѣдилъ не принимать окончательнаго рѣшенія. Вообще Гоголь мало говорилъ, оживлялся только когда говорилъ, а то все сидѣлъ въ раздумьи. Онъ попросилъ меня сыграть ему Шопена; помню только, что я играла ему. Моей матери онъ подарилъ хромолитографію—видъ Брю-

левской террасы; она наклеила этотъ видъ въ свой альбомъ и попросила Гоголя подписаться подъ нимъ. Онъ долго ходилъ по комнатѣ, наконецъ сѣлъ къ столу и написалъ: «Совсѣмъ забылъ свою фамилію; кажется, былъ когда-то Гоголемъ». Онъ исповѣдывался вечеромъ наканунѣ своего отъѣзда, и исповѣдь его длилась очень долго. Послѣ Св. Причастія онъ и его спутникъ сейчасъ же отправились въ дальнѣйшій путь въ Россію, пробывъ въ Веймарѣ пять дней.

Вскорѣ послѣ этого отецъ заболѣлъ и въ теченіе трехъ недѣль страшно страдалъ. Во время болѣзни его посѣтилъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Онъ долго бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ. Муравьевъ имѣлъ странную встрѣчу съ моей сестрой Елисаветой, въ Висбаденѣ, гдѣ она гостила у нашей двоюродной сестры Л. И. Базаровой. Разъ утромъ случилось, что сестра сидѣла одна у нихъ въ гостиной и читала «Путешествіе по святымъ мѣстамъ» Муравьева; Л. А. Базарова была занята по хозяйству, а Базаровъ отправился по дѣлу въ городъ. Въ гостиную входитъ какой-то господинъ и спрашиваетъ: «Дома ли батюшка?» На отрицательный отвѣтъ сестры и сообщеніе, что онъ скоро вернется домой, незнакомецъ просилъ позволенія обождать его и, видя, что сестра читаетъ, спрашиваетъ, что она читаетъ. Она отвѣчаетъ: «Путешествіе по святымъ мѣстамъ» Муравьева. Онъ вступаетъ съ ней въ разговоръ о книгѣ, она чистосердечно высказываетъ свое мнѣніе и дѣлаетъ критическій обзоръ книги; такимъ образомъ они бесѣдуютъ около получаса. Возвращеніе Базарова прерываетъ ихъ разговоръ, и незнакомецъ, вставая, обращается къ сестрѣ и говоритъ: «Позвольте мнѣ вамъ представиться: я—Муравьевъ».

Въ началѣ года піанистъ изъ Петербурга, Карлъ Иде, ученикъ Генриха Герца и Карла Майера, возвращаясь въ Россію изъ Рима, далъ въ Веймарѣ концертъ. Я съ удивленіемъ смотрѣла на штуки, которыя онъ продѣлывалъ на фортепіано, но его игра не произвела особенно большого впечатлѣнія.

3-го Апрѣля хоръ семинаристовъ и другіе музыканты дали концертъ въ пользу пострадавшихъ отъ обвала жителей Фельсберга.

Фельсбергъ—деревня въ кантонѣ Граубюнденѣ въ Швейцаріи, у подножія Каланды,—сильно пострадалъ отъ обваловъ въ 1843-мъ году и зимой, весной и осенью 1844-го года. Въ горѣ оказалось множество трещинъ, которыя хотя медленно, но постепенно увеличивались, такъ что, для безопасности жителей, рѣшено было переселить всю деревню на новое мѣсто. Впрочемъ, хотя во время обвала многіе дома были

разбиты вдребезги, ни одинъ человѣкъ не погибъ при этомъ. Пожертвованія въ пользу пострадавшихъ шли отовсюду, въ особенности же изъ Швейцаріи и изъ Германіи, и вскорѣ недалеко отъ Фельсберга, въ безопасномъ мѣстѣ, возникло мѣстечко Новый Фельсбергъ (Neu-Felsberg). Но большая часть Фельсбергцевъ не могла рѣшиться покинуть свои жилища, и въ Новый Фельсбергъ переселились только пострадавшіе. Въ 1851-мъ году въ Фельсбергѣ былъ еще обвалъ.

24 Апрѣля (6 Мая) далъ концертъ скрипачъ Г. Леонаръ (H. Léonard), членъ Королевской музыкальной академіи въ Парижѣ и гросъ-герцогской придворной капеллы въ Веймарѣ.

2 (14) Августа при дворѣ играла М. П. Тишнеръ, изъ Петербурга, ученица Майера и очень посредственная піанистка. Мужъ ея игралъ на корнетѣ. Въ то время инструментъ этотъ былъ въ большомъ ходу, благодаря Французу Вивье́ (Vivier), который отлично на немъ игралъ и имѣлъ большой успѣхъ у Государя Николая I-го. Вивье́ долгое время жилъ въ Веймарѣ и забавлялся тѣмъ, что, для упражненія легкихъ, пускалъ изъ своего инструмента въ окно мыльные пузыри на улицу; онъ пріобрѣлъ въ этомъ большое искусство и выдувалъ пузыри громадныхъ размѣровъ.

Изъ Петербурга же пріѣхали съ отцомъ своимъ два брата Беккеры: Александръ—теноръ и Николай—піанистъ. Это были молодые таланты, искусственно раздутые. Они два дня сряду играли у нашей великой княгини. 19—31-го Августа былъ большой пріѣздъ всѣхъ возможныхъ коронованныхъ (20) государей въ Бельведеръ; между ними были короли Пруссіи, Голландіи, Бельгіи, Баваріи и т. д.

Въ началѣ Сентября мы посѣтили гросгерцогскія оранжереи въ Бельведерѣ, и тамъ я впервыя увидѣла цвѣтущую Agava Americana: она выпустила длинный—около двухъ сажень вышины—цвѣточный стебель, усѣянный некрасивыми зелено-желтыми цвѣтами. Наша великая княгиня очень любила цвѣты, и въ ея оранжереяхъ можно было видѣть много интереснаго. Александръ фонъ-Гумбольдтъ, возвратившись изъ Бразиліи, привезъ великой княгинѣ сѣмена очень теперь распространеннаго дерева, Paulovnia Imperialis, которое тогда было еще совсѣмъ неизвѣстно въ Европѣ. Сѣмена принялись, и въ честь нашей великой княгини Маріи Павловны дерево получило свое названіе.

26-го Сентября въ Боннѣ былъ праздникъ по случаю открытія памятника Бетховену. Р. Шуманъ написалъ концертъ-симфонію, которую хотѣлъ окончить къ этому дню; почему она не была принята

въ программу праздничнаго концерта, не знаю, но Шуманъ измѣнилъ свое намѣреніе и вмѣсто симфоніи написалъ свою чудную, единственную фантазію (C-dur) для фортепіано.

Въ Ноябрѣ въ Веймаръ пріѣхалъ извѣстный проповѣдникъ Іоганессъ Ронге. Онъ проповѣдывалъ упрощеніе и независимость католиковъ Германіи отъ Папы, и назвалъ свою секту «Deutsch-katholische Gemeinde». Когда онъ пріѣхалъ, народъ встрѣтилъ его, хотя было уже болѣе 10-ти часовъ вечера. Я его видѣла у вицепрезидента Рёра, перваго проповѣдника въ Веймарѣ.

4 (16) Ноября Ронге проповѣдывалъ въ залѣ гостинницы «Russischer Hof», и нашлись послѣдователи его ученія, которые тутъ же перешли въ его новое вѣроисповѣданіе. Вечеромъ онъ уѣхалъ въ Науенбургъ, сопровождаемый народомъ съ факелами.

17 (29) Ноября первый разъ позволили мнѣ видѣть Донъ-Жуана; эта музыка меня совсѣмъ перевернула, я была въ восхищеніи.

7 (19) Декабря умеръ надворный совѣтникъ Римеръ, одинъ изъ трехъ послѣднихъ секретарей Гёте. Я ихъ всѣхъ трехъ часто видала; это были: Римеръ, который, по смерти Гёте издалъ о немъ два большихъ тома; Швертгебуртъ, который былъ къ тому же отличный гравёръ, и Шухартъ, который по смерти Гёте былъ секретаремъ Веймарскаго музея. Онъ тоже оченъ хорошо рисовалъ, и у меня хранится одна изъ его акварелей.

1846-й годъ.

Въ началѣ Января въ Веймарѣ давали концертъ сестры Миланолло (Milanollo); обѣ онѣ играли на скрипкѣ очень мило, какъ только могутъ играть дѣти; старшая Тереза играла лучше второй.

Въ Январѣ же пѣла при дворѣ одна изъ лучшихъ пѣвицъ этого столѣтія, Дженни-Линдъ, и наша великая княгиня дозволила намъ дѣтямъ слушать ея пѣніе изъ сосѣдней комнаты. Я слушала и была въ восторгѣ отъ ея голоса, школы, пѣнія и игры. Восхитительно пропѣла она одну Шведскую народную пѣснь, въ которой, переходя отъ ff къ pp, она удивительно выдерживала одинъ тонъ, и такъ долго, что у меня самой пріостановилось дыханіе; но затѣмъ я принуждена была усиленно дышать, а она все еще держала одинъ и тотъ же тонъ. Вотъ что значитъ умѣть искусно и бережливо расходовать дыханіе при пѣніи! Въ этотъ свой пріѣздъ Дженни-Линдъ пѣла на Веймарской сценѣ два раза, Норму и Сомнамбуллу Беллини; восторгъ былъ всеобщій.

Вскорѣ послѣ этого, подъ управленіемъ Листа данъ былъ концертъ, надѣлавшій много шума. Особенность этого концерта заключалась въ томъ, что Лола Монтецъ, переодѣтая въ мужское платье, съ хлыстомъ въ рукахъ, сопровождала Листа къ роялю и переворачивала ему листы во время игры. Безъ того уже Лола Монтецъ была на плохомъ счету въ обществѣ, а это появленіе ея еще болѣе скандализовало публику *).

Въ началѣ Мая 1846 года уѣхали въ Россію наши сестры Елисавета и Марія; первая получила мѣсто музыкальной дамы въ Смольномъ, а Марія поступила туда же, на Александровскую половину, для полученія воспитанія. Намъ было очень грустно съ ними разставаться, но я завидовала сестрамъ, что онѣ ѣдутъ въ Россію. Мать тоже поѣхала съ ними, чтобы устроить ихъ тамъ. Такъ какъ не было пароходовъ изъ Штетина, то онѣ ѣхали на Любекъ, изъ Магдебурта до Гамбурга водою, а изъ Травемюнде совершили переѣздъ въ Петербургъ. Путешествіе это длилось десять дней. Пробывъ недѣлю въ Петербургѣ, мать и Лиза поѣхали въ Москву повидаться съ Дмитріемъ. Отъѣзжавшихъ въ Москву на почтовыхъ было такъ много, что онѣ съ трудомъ получили два мѣста, и то съ условіемъ взять съ собой въ экипажъ еще одну даму имъ незнакомую. Имъ пришлось и на это согласиться, лишь бы не сидѣть попусту и не терять дорогого времени, такъ какъ мать моя спѣшила вернуться домой въ Веймаръ. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ онѣ (25-го Іюня) были приняты императрицей Александрой Ѳеодоровной.

Въ началѣ Августа сестру Марію приняли въ число институтокъ Смольнаго монастыря, послѣ чего мать вернулась въ Веймаръ. По особой протекціи Мари получила позволеніе по воскресеньямъ навѣщать своихъ родственниковъ; ей очень недоставало фруктовъ, что было весьма понятно, такъ какъ мы къ нимъ привыкли, живя съ дѣтства въ такихъ плодородныхъ странахъ, какъ Данія и Германія. Я не могу забыть яблокъ Даніи, напримѣръ Gravensteiner, Pigeon, Rainette и т. д.; съ тѣхъ поръ я больше не ѣла ихъ: до того всѣ яблоки казались мнѣ деревянными и безвкусными. Мари, получивъ въ теченіе

*) Лола Монтецъ, родомъ Шотландка, была танцовщицей и прославилась своими приключеніями. Король Баварскій Людовикъ I, безумно влюбленный въ нее, далъ ей титулъ графини Ландсфельдъ. Ея заносчивость была одной изъ причинъ безпорядковъ, происшедшихъ въ Мюнхенѣ въ 1848-мъ году. Изгнанная вслѣдъ за этимъ изъ Баваріи, она отправилась въ Англію, затѣмъ въ Сѣверную Америку, гдѣ произвела фуроръ въ качествѣ драматической актрисы, побывала и въ Австраліи и, вернувшись въ Нью-Іоркъ, читала лекціи, на которыя собиралось много слушателей. Умерла въ 1861-мъ году. (Изъ Meyers Hand-Lexicon).

лѣта двѣ груши и одну сливу, все ожидала появленія фруктовъ и была крайне удивлена и огорчена, увидавъ, при освященіи плодовъ 6-го Августа, зеленыя и красныя яблоки. Теперь, полстолѣтія спустя, совсѣмъ другое дѣло, и можно лакомиться фруктами и въ Сѣверной Пальмирѣ.

Поступивъ въ Смольный, сестра Елисавета писала, что въ Россіи, а въ институтѣ въ особенности, Французскій языкъ необходимѣе Русскаго: въ Смольномъ на десять Французскихъ словъ услышишь одно Русское. Въ музыкальномъ отношеніи мало что можно получить»; у Русскихъ много способности къ музыкѣ»,—писала она, но среди нихъ мало хорошо играющихъ; это происходитъ отъ недостатка терпѣнья и отъ недостатка въ хорошихъ учителяхъ. Такого, какъ профессоръ Тёпферъ, не найти во всемъ Петербургѣ. Гензельтъ считается здѣсь лучшимъ, но онъ очень небреженъ, вспыльчивъ и грубъ со своими ученицами».

Сестру удивляла наивность институтокъ. «Я живу въ одной комнатѣ съ четырьмя молоденькими, живыми барышнями; можно себѣ представить, что когда онѣ всѣ собираются, у насъ не особенно тихо. Онѣ живутъ еще постоянно въ Смольномъ, но уже ничему не учатся, и ихъ возятъ на балы и т. д. Въ настоящую минуту онѣ заняты чтеніемъ какого-то романа и дѣлаютъ въ высшей степени наивныя замѣчанія... Въ оперѣ я была одинъ разъ и видѣла Карла Смѣлаго: это передѣлка Вильгельма Телля Россини; музыка осталась таже, но дѣйствіе сокращено, такъ какъ здѣсь не смѣютъ давать Телля».

Въ Смольномъ Елисаветѣ приходилось давать 18 уроковъ въ недѣлю, за что она получала 400 р., столъ и квартиру.

Перемѣна климата не замедлила отозваться на здоровьѣ обѣихъ сестеръ. Марія получила бронхитъ, ея мучили мушками и піявками, послѣ чего она значительно ослабѣла; а осенью у нея сдѣлалось воспаленіе легкихъ, и она пролежала два мѣсяца. Сестра Елисавета тоже начала сильно кашлять, и въ Сентябрѣ мы получили отъ нея короткое письмо сообщавшее, что у нея было кровохарканье. Сама она не придавала этому ни малѣйшаго значенія, но писала при этомъ, что сестра нашей матери Софія Тимоѳеевна Богословская при малѣйшемъ поводѣ непрерывно страдаетъ отъ кровохарканія, и что двоюродная сестра наша Л. И. Базарова въ сильной степени чахоточна. Всѣ эти извѣстія насъ крайне опечалили, тѣмъ болѣе, что холодъ, наступившій очень рано, явился неожиданно для сестеръ.

Дѣйствительно недолго прожила въ Петербургѣ сестра Елисавета, Ея чуткая, изящная натура, перенесенная изъ родительскаго дома,

далеко отъ круга сердечныхъ друзей, не перенесла этой рѣзкой перемѣны жизни и обстановки, и въ Январѣ 1849-го года, шестинедѣльная скоротечная чахотка перенесла ее въ вѣчность. Когда она скончалась, ей было всего 21 годъ. Она получила отличное домашнее воспитаніе, руководимое моими родителями и нѣсколькими учителями. Она отлично рисовала, играла и отличалась знаніемъ языковъ и ихъ литературы. Передъ смертью она много страдала, но никогда не жаловалась. Она страстно любила цвѣты. Зная это, братъ Иванъ, въ то время учившійся въ Академіи Художествъ въ Петербургѣ, съ большимъ трудомъ отыскалъ нѣсколько цвѣтущихъ ландышей и принесъ ихъ ей. На другой день (27-го Января, 8-го Февраля) она взяла ихъ въ руки и сказала: «Ландыши зябнутъ, имъ слишкомъ холодно здѣсь», взяла платокъ, покрыла имъ цвѣты и затѣмъ уснула вѣчнымъ сномъ.

Вскорѣ послѣ ея кончины, мы получили извѣстіе, что молодой священникъ, который за нее сватался, скончался за границей въ одинъ день съ нею: ихъ соединила вѣчность. Она отказала ему свою руку, находя свое здоровье слишкомъ слабымъ, чтобы выйти замужъ; въ то время она была въ Петербургѣ и вѣроятно уже чувствовала приближеніе смертельной болѣзни. Лѣтомъ того же 1849-го года, родители мои взяли изъ Смольнаго сестру Марію, изъ опасенія, что и ея легкія не перенесутъ Петербургскаго климата, и она вернулась въ Веймаръ.

Въ Декабрѣ 1846-го года къ намъ пріѣхали родственники наши, незадолго передъ тѣмъ обвѣнчавшіеся Судакевичи. Ихъ сватовство совершилось съ поразительною быстротой: молодому человѣку предложили мѣсто діакона въ Парижѣ съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько недѣль онъ былъ готовъ, то-есть, чтобы по прошествіи этого времени онъ былъ женатъ. Ольга Вещезерова въ то время была учительницей музыки въ одномъ институтѣ; она была красива и хорошо играла. Одинъ изъ товарищей В. И. Судакевича, видѣвшій ее всего одинъ разъ, рекомендовалъ ее ему; Судакевичъ пришелъ, увидѣлъ и сдѣлалъ предложеніе; родственники нашли это выгоднымъ, и кончено дѣло. Въ то время подобныя дѣла совершались въ Россіи, какъ на парахъ.

21-го Декабря у отца моего былъ раввинъ Гершъ-Денемаркъ, родомъ изъ Малой Азіи. Онъ обладалъ двойнымъ зрѣніемъ. Послѣ обѣда мы всѣ сидѣли въ кабинетѣ отца, когда на подносѣ принесли кофе и сахарницу, наполненную сахаромъ. Раввинъ посмотрѣлъ на сахарницу и сказалъ, что въ ней 36 кусковъ сахара; высыпали и пересчитали куски: ихъ дѣйствительно оказалось 36. Затѣмъ подали моему отцу письмо съ почты; раввинъ, посмотрѣвъ на запечатанное

письмо, сказалъ: «Въ немъ 22 строки». Распечатали письмо, и дѣйствительно было такъ.

Мой отецъ все-таки не довѣрялъ ему. Онъ послалъ брата Ивана въ свою библіотеку и приказалъ принести одну часть Полиглотиса. Братъ положилъ книгу на столъ, и раввинъ, не раскрывая ея, всунулъ въ книгу свою руку и прочиталъ по-гречески слова, находившіяся подъ его рукой. Когда онъ читалъ въ закрытой книгѣ, взглядъ его становился какимъ-то страннымъ и мутнымъ, и глаза закатывались назадъ.

1847-й годъ.

Весь Январь мѣсяцъ отличался сильными морозами, достигавшими 22-хъ градусовъ. Эльба покрылась льдомъ до Глюкштадта, и ледъ былъ такъ крѣпокъ, что выдерживалъ самыя тяжелыя клади, которыя перевозили черезъ рѣку на саняхъ или на повозкахъ. 15-го Апрѣля былъ еще холодъ и снѣгъ.

Въ этомъ году я начала брать уроки Французскаго языка у m-me Chelard; на этихъ урокахъ мы читали и разговаривали, но не могу сказать, чтобы они принесли мнѣ большую пользу; я не любила Французскаго языка, да вообще всѣ языки мнѣ давались трудно, такъ какъ я больше молчала, чѣмъ говорила. Моими любимыми занятіями были музыка и рисованіе, а при подобныхъ занятіяхъ работаешь молча. Такъ какъ играла я очень много, не менѣе шести часовъ въ день, то уставала до такой степени, что и не хотѣлось много говорить. Братья мои часто мнѣ повторяли извѣстное изрѣченіе Шиллера: Wenn du gegessen und getrunken hast und satt bist, so sollst du den Herrn deinen Gott loben. И другое старинное четверостишіе:

Wer zu Tische geht und bettet nicht,
Wer vom Tische kommt und danket nicht,
Der ist dem Vieh und Esel gleich,
Und hatt kein Theil im Himmelreich.

Изъ артистовъ, посѣтившихъ Веймаръ въ 1847 году, были у насъ: 1) Шарль Майеръ. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, уже съ просѣдью, довольно полный и въ очкахъ. Онъ любилъ все Русское: огурцы, щи, кашу и т. д. Я ему сыграла его этюдъ Fis-dur. Онъ игралъ при дворѣ. 2) Піанистъ Шаде изъ Парижа. Онъ игралъ съ большой силой (по новой модѣ), руки у него были очень маленькія, такъ что свыше октавы онъ игралъ скорымъ арпеджіо. 3) Полковникъ Погожевъ привозилъ своихъ дочерей, Вѣру и Наталью, которыя обу-

чались въ Лейпцигской консерваторіи. Видно было, что отецъ надѣялся сдѣлать съ ними спекуляцію, имѣть Wunder-Kinder; но для этого надо дѣйствительно имѣть талантъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, а этого у нихъ не было. Онѣ были ученицами Мошелеса, аккуратно долбили, что̀ знали, но вотъ и все. 4) Изъ Петербурга пріѣзжалъ челлистъ Карлъ Шубертъ, который игралъ очень хорошо. Онъ далъ при дворѣ концертъ, на которомъ, между прочимъ, удивительно хорошо исполнилъ увертюру «Волшебной Флейты» Моцарта.

8-го Мая въ Веймаръ пріѣхалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Съ нимъ были графъ Литке и съ дѣтства воспитывавшійся съ нимъ баронъ Сергѣй Платоновичъ Фредериксъ, братъ моего друга, баронессы Маріи Петровны Фредериксъ, и графъ Гауровицъ. Графъ Орловъ, который его сопровождалъ, дорогою заболѣлъ оспой, и съ нимъ остался баронъ Ливенъ.

На слѣдующій день великій князь былъ въ церкви. Къ гросъ-герцогскому столу былъ приглашенъ мой отецъ, и съ нимъ великій князь говорилъ объ Исландской литературѣ.

10-го онъ уѣхалъ въ Берлинъ.

24-го Мая пріѣхалъ Альтенбургскій дворъ съ августѣйшею невѣстою великаго князя Константина Николаевича, которая была удивительно хороша. Они пробыли въ Веймарѣ всего два дня.

Въ концѣ Іюня изъ Копенгагена пріѣхалъ другъ моего отца, извѣстный ученый, статскій совѣтникъ Раффнъ, съ дочерью своею Дагмарою, и мы имъ показывали достопримѣчательности Веймара.

Первое, что̀ мы осмотрѣли, была гросъ-герцогская библіотека, въ которой находится большое собраніе картъ, и между ними одна старинная карта, напечатанная въ 1484 году, на которой обозначена часть Америки. Она-то именно особенно интересовала Раффна. Подобная же карта находится въ Вольфенбюттелѣ.

Затѣмъ мы осматривали гросъ-герцогскій дворецъ и комнаты въ честь великихъ Веймарскихъ поэтовъ, частью оконченныя. Мысль воздвигнуть видимый памятникъ Веймарскимъ незабвеннымъ поэтамъ возродилась у великой княгини по смерти Гёте. Часть дворца, пристроенная къ нему въ 1818 году архитекторомъ Кудрэ, предназначалась для приведенія въ исполненіе этой мысли, но на окончаніе внутренней отдѣлки потребовалось много лѣтъ. На лѣстницѣ, ведущей въ эти комнаты, стоятъ бюсты людей, способствовавшихъ прославленію Веймара,

какъ-то: художника Лукаса Кранаха, историка Г. Спалатина, храбраго воина ф.-Гартледера, композитора и органиста І. С. Баха, знатока искусствъ Г. Мейера, музыканта І. Н. Гуммеля, общеобразованнаго Фрорина, архитектора Кудрэ и замѣнившаго Г. Мейера директора музея Л. ф.-Шорна. Направо входъ въ дворцовую протестантскую капеллу (которую освящали 28 Марта 1847 года); внутренняя отдѣлка ея исполнялась главнымъ образомъ подъ наблюденіемъ сына великой княгини, эрбъ-гросъ-герцога Карла-Александра. Налѣво комната, разрисованная въ память Гердера, бюстъ коего здѣсь находится; фрески исполнялъ профессоръ Іегеръ. Затѣмъ входъ въ залу, предназначенную первоначально для засѣданія министровъ; по стѣнамъ развѣшаны картины Фридриха Преллера, изображающія отечественные виды, оживленные событіями Веймарской исторіи. Затѣмъ слѣдуетъ комната Гёте, нарисованная профессорами Нэеромъ (Neher) и Іегеромъ (Jaeger); входная, въ которой пр. Нэеръ нарисовалъ четыре загородныхъ дворца: Тиффуртъ, Бельведеръ, Дюрнбургъ и Вильгельмсталь; въ этой же комнатѣ стоятъ столъ, стулья и зеркало Шиллера. За этимъ слѣдуетъ комната Шиллера съ его бюстомъ и со стѣнными фресками работы профессора Нэера. За ней комната Виланда, съ фресками къ Оберону и другимъ его поэзіямъ, исполненными отличнымъ пейзажистомъ, проф. Фр. Преллеромъ; арабески къ нимъ исполнены Гюттеромъ, по рисункамъ А. Симонса. Въ то время не окончены еще были комната Гердера и пріемный залъ. Осенью этого года устроенъ былъ дамскій комитетъ, для вышиванія ковра въ комнату Шиллера; мы тоже принимали въ этомъ участіе.

Въ покояхъ дворца есть очень замѣчательныя картины: нѣсколько большихъ ландшафтовъ проф. Гаккерта, море проф. Преллера и морскіе виды Гораса Верне́, ландшафтъ Руисдаля, нѣсколько головъ Гольбейна, портреты короля и королевы Прусскихъ и гобеленъ, присланный изъ Петербурга и изображающій семейство Дарія передъ Александромъ Великимъ.

На другой день мы осматривали Бельведеръ, гдѣ наша великая княгиня почти всегда проводила лѣто, и другой загородный дворецъ Тиффуртъ, съ его Китайскими коллекціями, любимое мѣсто развлеченія августѣйшаго супруга великой княгини. Потомъ посѣтили усыпальницу гросъ-герцогской семьи, гдѣ видны и гробницы Гёте и Шиллера.

Въ Іюлѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ пріѣзжалъ на два дня изъ Киссингена въ Веймаръ и затѣмъ уѣхалъ въ Берлинъ.

Въ концѣ лѣта во дворцѣ въ Веймарѣ была свадьба княгини Долгоруковой съ Прусскимъ посломъ, графомъ Мюнстеромъ *). Для нея Листъ написалъ извѣстный романсъ «Angiolin dal biondo crin». Отецъ ея, князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ, былъ очень веселый человѣкъ, и его забавляло ставить въ одну шеренгу всѣхъ насъ дѣтей, отъ старшаго до младшаго, и сравнивать сходство между нами: всѣ были похожи другъ на друга, но у каждаго было свое самостоятельное выраженіе. Жена его, тоже пріѣхавшая къ свадьбѣ, была одной изъ Русскихъ за границей, о которой много говорили. Она перешла въ протестантскую вѣру, которую и пропагандировала: близъ Ганновера она собирала крестьянъ, уплачивая имъ по одному талеру на человѣка, и проповѣдывала имъ. Ее скоро попросили перестать подражать г-жѣ Крюднеръ. Ея крестьяне въ Россіи упорно отказывались отъ посадки картофеля, и она просила моего отца предложить кому-нибудь написать за 200 червонцевъ брошюру о пользѣ картофеля, чтобы убѣдить крестьянъ въ необходимости его разведенія.

23-го Августа въ Эйзенахъ былъ большой пѣвческій праздникъ: 26 пѣвческихъ обществъ собрались въ составѣ 1200 пѣвцовъ. Изъ музыкантовъ присутствовали: Шелáръ изъ Веймара, Метерлингъ изъ Брауншвейгна, Рейссигеръ изъ Дрездена, Ф. Шнейдеръ изъ Дессау (онъ управлялъ всѣмъ хоромъ) и изъ Лейпцига Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди, скончавшійся вскорѣ послѣ этого (4-го Ноября 1847-го года).

20-го Сентября Елена и я поѣхали въ Висбаденъ къ Базаровымъ. У нихъ встрѣтили мы товарища моего отца по Академіи, протоіерея Пѣвницкаго изъ Штутгардта. Оттуда мы ѣздили въ Биберихъ, лѣтнюю резиденцію герцога Нассаускаго, которая произвела на меня пріятное впечатлѣніе, и осматривали его достопримѣчательности. Въ Висбаденѣ въ церкви мы видѣли В. А. Жуковскаго съ женой и дѣтьми.

Прогостивъ нѣсколько дней у Базаровыхъ, мы поѣхали въ Майнцъ, гдѣ осматривали передвижную выставку и музей, въ которомъ хороши картины Голландской школы и Караччи, и интересны древніе Римскіе останки. Затѣмъ видѣли статую Гутенберга. Домъ очень красивъ, но жаль, что къ нему, какъ птичьи гнѣзда, пристроены разныя лавки и т. д.

Вернувшись въ Веймаръ, мы нашли отца и трехъ младшихъ дѣтей больными.

(Продолженіе будетъ).

*) Первый ея мужъ, князь Дмитрій Николаевичъ Долгорукій, былъ убитъ на поединкѣ княземъ Яшвилемъ. П. Б.